

Гендерные исследования

Карьера и материнская депривация в контексте советского патриархата

Актуальность изучения проблемы материнской депривации в России очевидна и обусловлена всем комплексом противоречий современного социально-экономического и культурного развития российского общества.

Впредставленной работе исследуется проблема взаимосвязи между общественной и профессиональной карьерой

Вцентре данной статьи находится понятие «родительская депривация», которое многие исследователи в рамках психологического подхода определяют «как недостаточное удовлетворение основных психических потребностей ребенка в течение длительного времени и в серьезной степени» [4, с.4.]. Однако мы считаем, что данное определение не является достаточным для понимания всей специфики такого сложного явления как родительская депривация. На наш взгляд, при исследовании этого сложного социокультурного явления необходимо учитывать не только психические, но социальные и духовные потребности ребенка, выражающиеся в передаче опыта предыдущих поколений, в выборе родителями соответствующего культурным традициям и общественным нормам стиля воспитания и т.д.

Подобное понимание родительской депривации расширяет исследовательские горизонты и позволяет изучать исторические, социальные и культурные контексты целого ряда современных проблем, связанных с трансформацией семьи, родительства, с формированием ряда негативных явлений – социальное сиротство и т.д.

Предпосылки формирования такого социокультурного феномена как родительская (материнская) депривация были заложены в советской тоталитарной идеологии, которая при помощи административных ресурсов вытесняла традиционные ценности, устанавливала новую систему нравственных ориентиров, жестко декларировала приоритет общественных целей над личными («мелкособственными», «мещанскими») интересами.

Врамках большевистской идеологии женщина выступала в качестве «отсталого элемента», который необходимо было в самые краткие сроки при помощи агитации и политического просвещения вовлечь в строительство нового государства. По мнению ряда исследователей, многочисленность «политически отсталой силы» внушала большевикам существенные опасения. Идеологические тезисы большевиков о «политической отсталости», «закабаленности» и «темноте» женщин в целом отражали их сомнения в готовности этого значительного общественного ресурса «к советской трансформации» [6, с. 45].

При этом практически сразу новая власть стала реализовывать свою модификацию женской эмансипации, которая состояла в необходимости сочетания женщиной семейных и общественных обязанностей. Лозунги первых революционных лет об освобождении женщин от «семейных оков» будут реализовываться в основном в практике создания учреждений дошкольного воспитания детей и общественного питания и т.д. Таким образом, советская концепция тотальной (двойной) занятости стала тоталитарным вариантом решения проблемы сочетания материнства и карьеры.

При внешней декларации свободы женщин позиция тоталитарного государства по отношению к ним носила патриархатный характер. По мнению исследователей, основополагающим механизмом дискриминации женщин при советском тоталитаризме выступало государство, которое сочетало маскулинистское мировоззрение и патриархатное сознание. При этом тесная взаимосвязь тоталитарной идеологии с традиционными патриархатными установками привела к возникновению особой гендерной системы в виде советского патриархата [1].

Основные позиции большевиков в области семьи, материнства и воспитания детей отразились в одном из программных документов – Проекте предложений президиума ЦКК, который был принят в итоге обсуждений доклада Е.М. Ярославского на октябрьском Пленуме ЦККв 1924 году. Внем отмечалось, что прежняя семья разрушается, а формы новой семьи еще не наметились в виду отсутствия для нее экономических предпосылок, поэтому весь груз болезненных явлений в области семейных отношений (надо полагать и родительских) берет на себя Коммунистическая партия, которая обязывает коммунистов проявить максимум сознательности, к созданию здорового потомства, не поддаваясь половому инстинкту [8, с. 167 – 169].

Одним из важных постулатов большевистской идеологии являлся тезис об обязательном участии женщин в общественной жизни, совмещении ею двух функций – матери и работницы. Именно эта установка и определяла тоталитарный вариант женской карьеры. По мнению исследовательницы российской гендерной истории С.Г. Айвазовой, втягивание женщин в общественное производство диктовалось не столько потребностями эмансипации, сколько нуждами модернизации советской экономики, ее перехода из фазы аграрной в индустриальную. Модель женской профессиональной и общественной карьеры была фактической копией с мужского варианта без учета социальных и культурных ролей женщины. Вследствие этого на протяжении всего периода существования советского патриархата повседневные практики демонстрировали недостаточную совместимость женской профессиональной и общественной активности и обязанностей матери и воспитательницы детей, хозяйки дома [2, с. 291 – 292].

Отечественные исследователи подчеркивают, что социалистическое государство выступает основным агентом гендерного принуждения через законодательство, систему социальной политики и партийную идеологию, применяя различные рычаги формирования советской повседневности, используя и внутренние резервы семьи – традиционные ценности, которые должны были способствовать развитию нового типа родительских концептов [7, с. 17].

Советская политика в отношении родительских ценностей, как отмечают исследователи, всегда была ограниченной, не носила системного характера, отождествлялась с социальной политикой [5, с. 3]. Интересы детей и родителей как самостоятельных ценностных интересов не учитывались. Но отсутствие целенаправленной семейной политики, по мнению М.В. Рабжаевой, не означало отсутствия намеренных и ненамеренных воздействий на родителей со стороны государства. Политика родительства в целом основывалась на идеологии равенства (классового и полового) и отрицании буржуазных отношений ответственности, была сосредоточена на регуляции вопросов охраны и материальной поддержки материнства и детства [9, с. 89 – 97].

Таким образом, именно коммунистическая идеология определила депривационную направленность социальных идей, которые должны были изменить традиционные представления о материнстве и подчинить их главной задаче – служению государству.

Исследователи отмечают, что на различных этапах становления большевистской системы противоречие между общественной и семейной (вековой женской) ролями решалось по-разному. Вгоды гражданской войны активно презентовался общественный идеал активистки, которая откасалась от всего женского, традиционного, в том числе и от семейных обязанностей. Известная исследовательница гендерной истории Барбара Клеменс указывала, что «советская героиня сначала появилась на страницах периодических изданий как медсестра, комиссар в армии, даже как боец. Она была скромна, тверда, преданна, отважна, смела, трудолюбива, энергична и часто молода. Она не задумывалась о своем личном благополучии. Если она была нужна на фронте, она могла, хотя и с сожалением, оставить своих детей; она могла мириться с физическими трудностями, не дрогнув принять бой, а в случае пленения – пытку и даже смерть, веря, что ее жертва стала вкладом в построение лучшего мира» [3].

Однако после окончания гражданской войны практические потребности государства определили окончательный приоритет утилитарной концепции двойной занятости женщин. Власти категорически не принимали выполнение женщинами какой-то одной роли матери или активистки. Так, на заседании секции по советскому строительству в Дальневосточном революционном комитете особое внимание было уделено проблеме работы восточниц (общественниц – представительниц корейской и китайской диаспор) в сельских советах Дальнего Востока; факторам, препятствующим их общественной деятельности. В постановлении съезда отмечалось, что главными причинами, мешающими восточнице принимать активное участие в советском строительстве, являлись «неграмотность и религиозность, плохое материальное положение и семья, недоброжелательное отношение значительной части мужчин к работе крестьянок в советских и общественных организациях, недоверие их к способности женщин работать наравне с мужчинами, неверие значительной части крестьянок в свои силы» [10, л. 12].

Для исправления ситуации власти ставили перед активисткой ряд задач, который определялся в полном соответствии с общей концепцией советской эмансипации. Женщина должна была не только «проявлять в большей степени свою активность в работе в советских органах; привлекать и втягивать в работу, подавая пример своей активностью новые слои крестьянок», но и «принимать меры к тому, чтобы не только не отставать в практической работе от мужчин, но идти вперед их» [10, л. 12]. Вподобных многочисленных формулировках отражалось стремление государства переложить разрешение сложившихся противоречий на самих активисток, которые были вынуждены самостоятельно искать пути выхода из конфликтных ситуаций, совмещать общественную карьеру и семейную нагрузку.

Женщинам приходилось прикладывать значительные усилия для того, чтобы справиться с двойной (общественной и семейной) нагрузками. Они сталкивались и с внутренним семейным сопротивлением мужей, родственников, и с общественным противодействием. Вбольшинстве случаев они пытались реализовывать компромиссные тактики, проявлявшиеся в поиске различных оптимальных вариантов по совмещению семьи и карьеры.

Однако практическая реализация тоталитарной концепции двойной занятости приводила к формированию серьезных социокультурных противоречий. Одним из них являлся феномен родительской (материнской) депривации.

По мнению ряда авторов, «новая женщина» – активистка в условиях большевистского государства была поставлена перед необходимостью практически неизбежного выбора между общественной деятельностью и семьей. И«мягкое», гармоничное сочетание этих ролей в рамках тоталитарной системы, требовавшей полного подчинения общественного женского ресурса идеологическим требованиям, фактически становилось невозможным [10, л. 12].

Анализ повседневности активисток показывает, что депривационные идеологические установки в полной мере реализовывались на практике. Для женщины общественные обязанности и карьера становились приоритетными, материнская роль становилась более утилитарной, превращаясь в материнский долг перед тоталитарным государством по воспитанию необходимых режиму граждан

(бойцов). Духовное влияние матери не должно было составлять конкуренцию тоталитарной системе и поэтому подвергалось различным ограничениям.

В рамках советской идеологии социальное освобождение женщины – работницы, активистки и матери приводило к зависимости от государства, требующего в обмен на патернализм исполнения общественного (трудового) долга. И, следовательно, тоталитарный вариант женской карьеры обусловливался идеологическими догмами, определявшими приоритет общественных целей над личными (материнскими) интересами.

Жесткое идеологическое декларирование необходимости продуктивного сочетания советской женщиной традиционных ролей (в частности, материнской) и новых обязанностей, связанных с участием в общественном производстве приводило к возникновению различных противоречий, оказывавших негативное влияние на традиционные социальные институты семьи и материнства. В качестве подобного противоречия выступала материнская депривация, носившая, преимущественно, вынужденный характер. ?

Гендерные исследования

Библиографический список

1. Айвазова С.Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории: документальные материалы*, 1998. – Режим доступа: http://www.owl.ru/win/books/rw/o2_1.htm. [Дата обращения 15.02.2010]
2. Айвазова С.Г. *Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп; под общей ред. д-ра эконом. наук М.М. Малышевой.* – М.: Academia, 2001
3. Бородина А., Бородин Д. *Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-30 гг. XX в.* Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm [Дата обращения 12.01.2010]
4. Березин С.В., Евдокимова Ю.Б. *Социальное сиротство: дети и родители: Материалы к курсу «Педагогическая психология».* – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2003.
5. Дармодехин С.В. *Семья и государство // Мониторинг социально-экономического потенциала семей.* – 2000. – ? 3. – С. 3 – 9.
6. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. *Советский этатрагический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история.* – М., 2003.
7. Здравомыслова Е., Темкина А. *Понятийное поле исследования гендерных отношений // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сборник научных статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской.* – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – С. 10 – 22
8. *О Партэтике. Проект предложений президиума ЦКК II пленуму ЦКК РКП(б) // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов).* – М.: Политиздат, 1989. – С. 151 – 170.
9. Рабжаева М.В. *Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX века // Социологические исследования.* – 2004. – ? 6. – С. 89 – 97
10. РГИА ДВ. Ф. Р - 2413. Оп.4. Д. 656.